

17. **Серюо П.** Как читают тексты во Франции. Вступит. статья // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. С. 12 – 53.

18. **Серюо П.** Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. С. 337 – 383.

19. **Чернявская В.Е.** Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: РАН; Флинта; Наука, 2003. С. 53–55.

20. **Schiffrin D.** Approaches to Discourse. Oxford (UK) and Cambridge (Mass.): Blackwell, 1994.

Н.Ф. Алефиренко

ЗНАНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА, ДИСКУРСА И КУЛЬТУРЫ

В поисках оптимальных форм культурно-исторической идентичности, по-новому раскрывающих роль и значение каждой этнокультуры в континууме мировой культуры если не всё, то многое зависит от адекватного прочтения текста культуры. Прежде всего, необходимо осмыслить само понятие «текст культуры». Словосочетание, его выражающее, – когнитивная метафора, означающая «читаемость» культурной среды. Её эвристическая ценность состоит в том, что она позволяет рассматривать саму среду обитания человека как знаково-символическую реальность. В этом смысле знаково-символическая среда бытования человека является частью дискурса. Если, разумеется, под дискурсом понимать особую когнитивную категорию [см.: 10: 68]. По устоявшемуся сегодня мнению, её особенность как раз и состоит в том, что, кроме среды обитания человека, вторым её конструктивным элементом выступает текст. Полагаю, было бы более корректно вторым её элементом считать не текст, а метатекст, который, будучи продуктом текстов иного уровня, задает правила порождения текста, его грамматику и синтактику. Иными словами, метатексты, в таком их понимании, являются некими культурными кодами – универсальными способами репрезентации, структурной организации и трансляции культурного опыта и ценностей. Такие культурные коды обеспечивают общезначимую организацию, упаковку, складирование и передачу информации в виде ценностно-смыслового опыта. Причём средством организации, упа-

ковки, складирования и передачи такого рода информации не обязательно выступает естественный язык. Следует согласиться с существующим в культурологии утверждением, что виды языков культурного кодирования в тексте культуры определяются сферой деятельности. В соответствии с этим различают языки предметных форм кодирования, языки вербальных форм кодирования, языки символических форм кодирования, языки изобразительных форм кодирования, языки музыкальных форм кодирования.

В своё время Ю.М. Лотман писал: «Текст культуры представляет собой наиболее абстрактную модель действительности с позиций данной культуры. Поэтому его можно определить как *картину мира* данной культуры» [см.: 6: 58]. Продолжая это суждение, можно говорить о том, что любой текст (независимо от языка кодирования), будь то художественное произведение, картина, скульптура, праздник как текст культуры, что-либо произведенное человеком – это всегда текстовое явление культуры, или *картина мира*, созданная в рамках данной культуры. Для его адекватного прочтения необходимо выяснить природу языка культуры.

В зависимости же от логико-семиотического и гносеологического подхода выделяются (а) языки дискретного кодирования и (б) языки континуального кодирования [2: 39]. Различаются они специфическими особенностями рассудочного мышления. *Дискретное мышление* кодирует информацию в термины однозначного содержания. В частности, оно лежит в основе формальной логики. *Континуальное мышление* оперирует принципиально многозначными по природе своей единицами. Именно они служат средствами кодирования ценностно-смысловой (т.е. культурной) информации. Причина тому – их свойства. С одной стороны, по сравнению с дискретными единицами они обладают более ёмкой информацией, а с другой стороны, – они более «расплывчаты», менее конкретны, менее однозначны, более неопределенны. Континуальный код служит основанием текстуального мышления. В соответствии с концепцией Ю.М. Лотмана, понимать какую-либо культуру – значит понимать её семиотику, уметь устанавливать значение используемых в ней знаков и расшифровать тексты, составленные из них. Под словом текст в культурологии понимается не только письменное сообщение, но любой объект (художественное произведение, вещь, обычай и т. д.), рассматриваемый, как носитель информации.

Итак, всякое явление культуры есть сочиненный людьми с помощью знаковых систем текст. Текст – это плоть и кровь культуры. Благодаря убедительному обоснованию Ю.М. Лотмана эти положения вошли в метафорическую аксиоматику культурологии. Однако не всё здесь бесспорно. Первая дискуссионная проблема возникает каждый раз, когда дело касается корректности прочтения и понимания текста культуры. Вторая проблема связана с вопросом: правильно ли текст прочитан и понят? Согласимся, что эти вопросы ещё не получили однозначного ответа. Однако это лишь усиливает научную интригу: в частности, всё более привлекательной в лингвокультурологии становятся проблема сущности значения и смысла языкового знака в сфере языковой системы, текста и дискурса. Для её решения прежде всего приходится преодолевать давно сложившееся убеждение в том, что значение – свойство единиц языка, а смысл – категория речевая, поскольку возникает якобы исключительно в тексте (в широком его понимании).

Мы исходим из того, что смысл – категория столь же широкая и междисциплинарная, что и значение. Смысл – настолько сложенный феномен, что имеет отношение и к языку, и к когнитивно-дискурсивной деятельности человека, и к тексту. Как языковая категория смысл является конструктивной ячейкой языкового сознания, поскольку понимание места отдельного языкового знака в семантическом пространстве языка делает этот знак осмысленным. «Знаковое значение языкового выражения указывает на те смыслы, – отмечает Г.Н. Манаенко, – которые традиционно актуализируются в коммуникации, тем самым закрепляясь за ними [...] «растворяясь в них» [9: 19 – 20]. Иными словами, языковой знак приобретает для человека вполне определенный смысл. При этом правда, возникает опасность сведения сущности смысла исключительно к субъективному содержанию некоего элемента языкового сознания. В таком случае смысл оказался бы по отношению к значению индифферентным образованием, что противоречит данным междисциплинарных исследований, согласно которым смысл не является эпифеноменом значения, т. е. таким мыслительным образованием, которое не оказывает на значение никакого влияния (в силу его якобы сугубо субъективной сущности). Смысл (*sense*), как утверждают философы и психологи, не облачается в значение (К.К. Жоль), а объективируется в нем, подобно тому, как мысль совершается в слове (Л. С. Выготский). В конечном пункте всех возможных преобразований мини-

мальные элементы смысла (или смысловые атомы) выкристаллизовываются в семы — содержательные компоненты семантической структуры слова. В этом аспекте смысл первичен, а значение языкового знака вторично: смысл выражается в значении, а не наоборот. Значение и смысл, таким образом, — взаимосвязанные категории.

Однако здесь необходимо уточнить, что до сих пор речь велась исключительно о доречевом смысле. Вектор меняется, когда пытаемся раскрыть характер соотношения системного значения языкового знака и речевого смысла, под которым понимается индивидуальное значение языкового знака, выделяющее из объективной системы связей те, которые актуальны в процессе осуществления интенционального акта. «Интенциональный акт (акт направления рефлексии сначала на опыт, затем на душу носителя этого опыта) совмещен с переживанием особого рода — переживанием интенционального акта» [3: 3]. При таком понимании интенционального акта он может рассматриваться в качестве основного фактора появления смысла. В связи с этим следует уточнить, что известная формула А.Н. Леонтьева о том, что смысл выражается в значениях, справедлива только в отношении системного значения. Применительно к речевому смыслу векторное содержание этой формулы должно быть иным: «значение выражается в смысле», поскольку речевой смысл — личностно ориентированное преломление системного значения в языковом сознании. Системное языковое значение в таком понимании представляет собой совокупность элементарных смысловых компонентов, возникших в процессе исторической эволюции языкового знака.

В этом отношении целесообразно вспомнить понимание многоаспектной сущности значения А.А. Леонтьевым. В его интерпретации, значение — это существующая вне и до отдельного знака система связей и отношений предметов и явлений действительности, которая, будучи соотнесена с отдельным знаком, образует его «объективное содержание». Во-вторых, значение — «идеальная нагрузка знака», идеальная сторона его, представляющая собой превращенную форму объективного содержания знака. В-третьих, значение — это социальный опыт субъекта, спроецированный на знаковый образ, или субъективное смысловое содержание знака [см.: 7: 48]. В данной интерпретации значение и смысл — в известной степени симметрично функционирующие величины.

Однако в разных коммуникативных ситуациях значения и смыслы могут вступать между собой в асимметрические отношения, при-

водящие к возникновению различных метафорических преобразований. Действительно, с точки зрения когнитивной семантики, *метафора — средство разрешения конфликта между значением и смыслом языковых знаков в их речевом употреблении*. Внеречевой же смысл — это невербализованная часть понятийного содержания; концептуальная информация, не получившая отдельного языкового выражения, но служащая источником формирования языкового значения. Исходя из этого, следует признать, что семантическая структура слова соотносится с неязыковыми смыслами самих номинируемых предметов и событий. Смыслы вариативны, индивидуализированы, конкретны. Для того чтобы они были таковыми, необходима некая инвариантная величина, в рамках которой происходит это варьирование. Таким содержательным остовом по отношению к ним выступают языковые значения, фиксирующие устойчивые и социально ценностные (культурно значимые) знания и отношения.

Как сложное коммуникативное явление, включающее речемыслительную и экстралингвистическую информацию — знания о мире, мнения, установки, цели адресата, дискурс является еще и наиболее естественной средой смыслопорождения и знакообразования. Такого рода знакообразования способны к репрезентации достаточно объемной культурной информации — одновременно ценностно-смысловой, мировоззренческой и лингвистической. Именно такой дискурс, к примеру, лежит в основе возникновения выражения *Куда ни кинь — все клин*. Когда-то на Руси существовал обычай при распределении общинной земли кидать жребий. При этом земли распределялись небольшими долями, самая малая мера — клин, еще меньше осьминка — 1/8 десятины. Вот как об этом обычно говорили: «Не постоишь за клин, не станет и осьминка», т. е. «Уступишь в малом, не будет и большего». Выхода из этого положения у крестьян не было: куда ни кинь жребий при дележе земли, все равно целого хорошего участка не получишь, достанутся лишь одни клинья. Поэтому выражение *Куда ни кинь — все клин* стало употребляться (уже безотносительно к данному обычаю) для определения безвыходности создавшегося положения.

Языковые знаки дискурсивного происхождения представляют собой яркий этнокультурный феномен синергетического характера в силу своей двойственной природы: сами знаки принадлежат языковому сознанию, а выражаемые ими представления — когнитивному.

Поэтому такого рода ключевые языковые знаки являются опорными точками смыслового пространства культуры.

Ценностно-коммуникативная сущность смыслового пространства культуры не только обнаруживается, но и формируется в дискурсе, понимаемом как совокупность устойчивых коммуникативных событий [см.: 5: 121—122], которые закрепляются в языковом сознании всего этнокультурного сообщества при помощи знаков той или иной лингвокультуры. Их возникновение связано с «говорящим сознанием» [см.: 2: 116], с синергетическим взаимодействием языковых сознаний коммуникантов, в процессе которого происходит взаимокорректировка индивидуального сознания каждого из коммуникантов.

В условиях повторяющихся коммуникативных событий в процесс взаимокорректировки вовлекаются все новые и новые коммуниканты. При этом происходит не просто «передача» и «восприятие» содержания исходного сообщения, а метафорическое порождение некоторого нового содержания, не сводимого к сумме значений знаков смыслообразующего дискурса. Так, выражение *скатертью дорога* своим возникновением обязано старинному обычаю желать уезжающим гостям дороги, как скатерть, т. е. ровной и спокойной, поскольку дороги, как известно, на Руси всегда были трудными, ухабистыми и разбитыми, и такое пожелание было весьма кстати. Кто же не хотел, чтобы его дорога была ровной и гладкой, как скатерть на столе? До сих пор сохранился обычай, провожая уезжающих, махать платочком, чтобы путь «лежал скатертью, был ровен и гладок». Однако первичное значение этого выражения со временем приобрело еще и противоположную коннотацию, а сама идиома *скатертью дорога* стала выражать пожелание убираться вон, куда угодно, имплицитно заключающим в себе еще и такие коммуникативно-прагматические импликации, как ирония и безразличие (к чьему-либо уходу или отъезду). Видимо, среди уезжающих не всегда были такие гости, с которыми не хотелось расставаться. Такие дискурсивные ситуации стали прецедентными и способствовали развитию соответствующего значения.

Социумное знание коммуникативных событий и речеповеденческих тактик в соотношении их с прецедентными высказываниями формируют наряду с языковым еще и дискурсивное сознание — своего рода речемыслительное пространство того или иного этнокультурного сообщества, формирующееся и являющееся себя в коммуникации. Сущность дискурсивного сознания емко и стереоскопично вы-

ражает бахтинская метафора «говорящее сознание». Поскольку средой его существования оказывается речемышление (термин С.Д. Кацнельсона), то разновидность коммуникации, порождающей дискурсивное сознание, можно назвать *транскрипцией* «говорящих сознаний».

Основными единицами дискурсивного сознания являются речемыслительные образования, объективирующие коммуникативно-прагматические стереотипы в структуре соответствующего этнокультурного пространства — речевые стереотипы, характеризующиеся устойчивостью, воспроизводимостью и структурно-семантической целостностью. Поскольку названные признаки составляют полный набор признаков понятия «идиоматичность», то такую единицу вполне логично назвать дискурсивной идиомой. Причем это понятие включает не только фраземы, но и лексемы, возникшие в определенной дискурсивной среде. Например: *построить дом на песке* ‘о чем-л. непрочном, необоснованном’ (возникла идиома на базе евангельской притчи о «человеке безрассудном», построившем «дом свой на песке»); *на кудыкину гору* ‘неизвестно куда’ (по языческому суевию, нельзя было называть имя того, что (или кто) могло (мог) навлечь беду; поэтому на вопрос к охотникам, куда они направляются, обычно отвечали: «На кудыкину гору»). Дискурсивное сознание определенного культурно-языкового сообщества представляет собой структурированный набор (совокупность) дискурсивных идиом в билатеральном единстве их формы и содержания. По своей сути такие идиомы — образования дискурсивно-когнитивного происхождения.

С точки зрения структуры, смыслообразующий дискурс — двустороннее образование, имеющее план выражения и план содержания (И.П. Сусов). План выражения дискурса — связанная последовательность языковых единиц, созданная в определенное время, в определенном месте с определенной целью. План содержания дискурса образуют его семантика и прагматика. Семантическая структура дискурса представляет собой триединство следующих аспектов: а) реляционного, отражающего строение факта в виде признаков отношений между предметами; б) референциального, соотносящего аргументы пропозиции с предметами; в) предикационного, фиксирующего приписываемые семантическому субъекту признаки. Прагматика дискурса, по мнению И.П. Сусова, включает интенциональный, ориентационный (дейктический), пресуппозиционный, импликационный, экспрессивно-оценочный, субкодовый (функционально-стилистический), модальный и коммуникативно-информационный (фокальный) компо-

ненты. Как видим, понятие дискурса выходит за пределы объема общепринятого понятия «речь», поскольку представляет собой особый вид общения, в процессе которого происходят конструирование и реконструирование смыслов в рамках интерактивного и интерпретативного контекстно обусловленного взаимодействия [см.: 5: 69]. Такого рода взаимодействие детерминировано взаимной культурно обусловленной коммуникативной компетентностью, присущей тому или иному этноязыковому сообществу. Данная общность формируется в процессе инкультурации (первичной социализации) или аккультурации (вторичной социализации в инокультурной среде).

Поскольку общение — это дискурсивная деятельность, связанная с обменом знаниями, возникает вопрос о видах и способах представления знаний — так называемых когнитивных схемах. В этом, собственно, и стимулируется слияние когниции и дискурсии в единой когнитивно-дискурсивной парадигме. Интерактивность дискурса обуславливается совместным участием коммуникантов в процессах конструирования значений путем обмена информацией по определенным когнитивным схемам. Значения порождаются в результате заполнения слотов используемых когнитивных схем, их интерпретативного обогащения и видоизменения.

Дискурсивно обусловленное формирование значений осуществляется в процессе взаимодействия соответствующих когнитивных схем и культурных моделей (термин М.Б. Бергельсон), присущих данному этноязыковому сообществу. Языковое значение оказывается знанием, упакованным в ту или иную когнитивно-культурную схему. Интегративная сущность когнитивно-культурной схемы формирования значения объясняется тем, что в основе культурной модели лежат общие для всего этноязыкового сообщества знания: наивно-предметная картина мира, социокультурные и личные знания. Разумеется, культурная модель прежде всего — устойчивая структура социокультурных знаний, которые, реализуясь в определенных когнитивных схемах (концептах, фреймах и сценариях), отражают соответствующую наивно-предметную картину мира, создавая когнитивно-дискурсивное пространство этнокультуры.

Поскольку такого рода пространство формируется в процессе взаимодействия «говорящих сознаний», успешность коммуникации обеспечивается инвариантностью индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, а смысловое наращивание дискурса осуществляется, главным образом, за счет воздействия элементов

субъективно-вариативных зон когнитивных пространств общающихся. Иными словами, инвариант когнитивного пространства коммуникантов — основа общественного языкового сознания, а его варьирующаяся область — индивидуального. Причем инвариантная общенациональная часть присутствует в языковом сознании каждого говорящего. Поэтому дискурсивные идиомы как продукты взаимодействия «говорящих сознаний» интегрируют в своей смысловой структуре а) объективные, отфильтрованные, общенациональные представления и восприятия соответствующих событий и б) субъективные, индивидуальные их интерпретации и оценки, сформировавшиеся в сознании каждого социализированного члена того или иного лингвокультурного сообщества. Ср.: рус. *держи карман шире, пошире*>; блр. *падстаўляй кішэнь*; укр. *хапай в обидві жмені* ‘не жди, не рассчитывай, не надейся’ (иронически); рус. *днем с огнем, и с собакой не сыщешь* кого, что; блр. *удзень са свечкаю*; укр. *і вдень з вогнем (зі свічкою) не знайти* кого, що ‘нельзя найти, даже прилагая значительные усилия’.

В итоге семантическое поле языковых знаков, рожденных в когнитивно-дискурсивном пространстве, оказывается меньше всего денотативным, т. к. такого рода языковые знаки предназначены не столько для передачи объективной информации, сколько для того, чтобы служить этнокультурными символами того или иного дискурса. При этом происходит не «передача» и «восприятие» готовой информации, содержащейся в знаках прямой номинации, а интерпретация тех ассоциативно-образных смыслов, источником которых является соответствующий дискурс. Происходит лингвокреативное конструирование нового смысла, интегрирующего в себе смысловые инварианты общенационального и вариации субъективно-индивидуального когнитивного пространства. Семантика дискурсивных знаков образуется синергетическим переосмыслением элементов [1: 147], порождаемых информационно-кодовой, инференционной и интеракционной деятельностью. В связи с этим возникает вопрос: на чем основано такое синергетическое единство?

Есть основание полагать, что единство языковых сознаний обеспечивается общностью инвариантного когнитивного пространства — основы любого культурно-языкового сообщества — общностью особым образом организованного фонда знаний и представлений, т. е. той когнитивной базой, которая определяет единство алгоритма восприятия окружающего мира, систему норм, оценок и отношений.

За каждым дискурсивным знаком стоит отраженный в сознании социокультурный феномен, являющийся инвариантным компонентом этноязыкового сознания. Являясь в силу своей инвариантности прецедентным элементом дискурса, дискурсивные знаки служат ценностными ориентирами, открывающими путь к познанию соответствующей лингвокультуры. Как прецедентные феномены речевые знаки своей экспрессивно-образной семантикой отражают ядро тех знаний и представлений, которые представляют национально-культурную доминанту этноязыкового сознания.

Библиографический список

1. ***Алефиренко Н.Ф.*** «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии. – М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
2. ***Бахтин М.М.*** Тетралогия. – М.: Лабиринт, 1998. 552 с.
3. ***Богин Г.И.*** Интенциональный акт как ситуация появления смысла // Язык и культура: III-я междунар. конф.: Докл. и тез. – Киев, 1994. С. 3 – 27.
4. ***Гриценко В.П.*** Культура как знаково-семиотическая система. – М., 2001. 274 с.
5. ***Дейк Т. А. ван.*** Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. 367 с.
6. ***Лотман Ю.М.*** Избр. статьи: В 3-х т. – Таллин, 1992. Т.1. С. 386 – 392.
7. ***Леонтьев А.А.*** Деятельный ум. – М.: Смысл, 2001. 473 с.
9. ***Манаенко Г.Н.*** «Мир коммуникации»: взаимодействие значений «мира текста» и смыслов «мира дискурса» // Язык. Текст. Дискурс: Науч. альманах / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Вып. 7. – Ставрополь, 2009. С. 17 – 22.
10. ***Schwarz M.*** Einführung in die Kognitive Linguistik. – Tübingen, 1992. 348 p.

Н.Н. Болдырев

ИССЛЕДОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ СМЫСЛОВ В КОНТЕКСТЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Формирование значений языковых единиц неразрывно связано с процессом познания окружающего мира и представлением его результатов на мыслительном и языковом уровне. Оно является следствием сложного взаимодействия основных познавательных процессов,